

УЗБЕКИСТАН: В ПОИСКАХ БЕЗОПАСНОГО ДОМА

Елена Чикадзе

Эта глава написана на материалах двух длительных (по полтора месяца) и одного краткосрочного (две недели) исследований, на протяжении которых социологи¹ жили в семьях турок-месхетинцев. Одно из длительных и краткосрочное исследования проводили в городе Самарканде и его окрестностях, второе — в городе Галаасия и в одном из бывших совхозов Бухарской области.

Самарканд — один из самых крупных областных центров Узбекистана, население которого на 1 января 2004 года составило 362 тыс. чел. (Демографический ежегодник, 2004:101). Галаасия сейчас входит в Бухарский район Бухарской области (ранее была районным центром). Численность его населения — 11,2 тыс. человек (Демографический ежегодник, 2004:97). По некоторым признакам, турки-месхетинцы в Бухарской области были успешнее интегрированы в местное сообщество, нежели самаркандские. По мнению многих наших самаркандских информантов, бухарские турки в большей степени «обузбечились». Как бы то ни было, ферганские события менее всего затронули Бухарскую область.

Поскольку именно события в Узбекистане 1989 года привели к очередному массовому перемещению турок-месхетинцев и так или иначе отразились на судьбах и мировосприятии всего народа, на его коллективной идентичности, в этой главе мы основное внимание уделим идентичности турок-месхетинцев и влиянию на нее событий последних десятилетий.

Турки-месхетинцы в Узбекистане: история расселения

Турки-месхетинцы появились в Узбекистане в конце 1944 года — это была одна из республик Средней Азии, куда направили эшелоны с депортированными мусульманами из южной Грузии. В Узбекистан было доставлено наибольшее количество спецпереселенцев — около 55 000 человек². Их поселили в сельской местности без права передвижения. После отмены в 1956 году административного надзора часть из них переехала в Азербайджан и на Северный Кавказ. Оставшиеся достаточно успешно интегрировались в местное сообщество.

¹ Исследование проводили автор статьи и петербургский социолог Дмитрий Лебедев.

² Эту цифру приводит Халил Умаров-Гозалишвили со ссылкой на статью Н. Бугая «Как это было» в газете «Поиск» (№24 от 18 октября 1989 г.) (Умаров-Гозалишвили, 2004:70). В докладной записке от 21 декабря 1944 г. на имя Л. Берия (подпись отсутствует), которую приводит в своей статье Габриель Гольдберг, указана цифра 53163 человека (Гольдберг, 1998).

Впервые в данных о населении Узбекистана турки появляются в переписи 1979 года — их насчитывается 48,7 тыс. человек — меньше, чем было перевезено в 1944 году. По данным переписи 1989 года их численность увеличивается более чем вдвое — 106,3 тыс. человек.³ Однако интерпретировать эти данные сложно, поскольку большинство турок были записаны в паспорте азербайджанцами, часть грузинами, встречались и другие национальности (например, родители одного из наших информантов были записаны «кавказцами»). По оценкам экспертов, проживающих в Турции, численность турок в Узбекистане в 1989 году составляла 160 тысяч (Юнусов, 2000:94).

Узбекистан — именно та республика, где в 1989 году разыгралась ферганская трагедия, вынудившая десятки тысяч турок покинуть обжитые места. События в Ферганской долине не только остро поставили вопрос о полной реабилитации и репатриации этого народа, но и стали вызовом для его идентичности, поэтому остановимся на них подробнее, обратившись к обстоятельному исследованию Александра Осипова (Осипов, 2004)⁴.

Все авторы, которые описывали события в Узбекистане 1989 года, пишут о том, что обстановка в республике была неспокойной еще до событий в Ферганской долине. Зимой 1988–1989 гг. волнения на этнической почве наблюдались в Ташкенте и Андижане (недовольство населения было направлено против русских, татар и прочих не-узбеков).

Непосредственно ферганским событиям предшествовали события в Куваесе (город в Ферганской области), где во второй половине мая 1989 г. произошли драки между турецкой, с одной стороны, и узбекской и таджикской молодежью — с другой, переросшие в крупные столкновения (один человек, таджик, скончался в больнице). По области стали распространяться слухи о «бесчинствах» турок, об их «издевательствах» над узбеками, которые не были вовремя рассеяны сообщениями в СМИ.

Началом ферганских событий считается 3 июня, когда в Ташлаке под Ферганой собралась толпа молодежи. Наиболее агрессивные устремились в кварталы, где жили турки, и начали жечь турецкие дома и избивать их хозяев. В этот день произошли первые убийства. Информация о массовых беспорядках начала появляться в газетах и на телевидении только 6 июня.

7 июня центр событий переместился в западную часть области, в Коканд, где оставалось более 1,5 тысяч турок. Многие из них в предшествующие дни пытались выехать из города, но были остановлены постами милиции. Бесчинства в Коканде и соседних с ним районах продолжались до 11 июня. Толпы в несколько тысяч человек устраивали стихийные митинги, осаждали горком и райкомы партии, отделы внутренних дел. На митингах вперемешку выдвигались требования освободить задержанных и повысить закупочные цены на хлопок и коконы шелковичного червя. Только 11 июня, по словам одного из представителей командования внутренними войсками МВД СССР, войска смогли полностью овладеть обстановкой. Массовые беспорядки в области были прекращены.

На военном полигоне около Ферганы было собрано около 15 тысяч турок. 9 июня началась их эвакуация транспортной авиацией в Россию, закончившаяся к 18 июня.

³ Разница между данными переписи 1979 и 1989 годов объясняется, на наш взгляд, не столько естественным приростом, сколько ослаблением режима (и, соответственно, боязни репрессий по этническому признаку) и возросшим этническим самосознанием: к 1989 году в стране уже начались этнические движения, и турки-месхетинцы создали Временный организационный комитет, представители которого неоднократно ездили в Москву с целью добиться возвращения народа на родину.

⁴ Приводимое далее описание событий взято из этой статьи, иногда с дословным, но, дабы не загружать текст ссылками, «незакавыченным» цитированием.

Из области было вывезено 16 282 человека. Задним числом эвакуация была оформлена Постановлением Совета Министров СССР № 503 от 26 июня 1989 г. Вывоз турок в шесть областей Российской Нечерноземья был санкционирован личным распоряжением Председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова.

До конца 1989 г. в области сохранялся комендантский час. Хотя массовые беспорядки в основном прекратились 10–11 июня, обстановка как в области, так и за ее пределами оставалась напряженной. К сентябрю из Узбекистана выехало более 50 тысяч турок. Осенью турки продолжали покидать республику, опасаясь за свою жизнь в случае повторения июньских событий и под давлением властей.

19–21 февраля 1990 г. в Букинском районе Ташкентской области едва не повторился ферганский сценарий, в результате чего все турки Букинского района (более 2 тысяч человек), а затем и других районов области были собраны во временных эвакуационных пунктах и, несмотря на их возражения, вывезены за пределы Узбекистана. К началу 1991 года Узбекистан покинуло более 90 тыс. турок, включая тех, кто был эвакуирован из Ферганы в июне 1989 г. Эти люди расселились в России, Азербайджане, Казахстане, Украине.

По данным комиссии ЦК КПУз., во время июньских событий погибло 103 человека, из них 52 турка-месхетинца, 36 узбеков; травмы и увечья получили 1011 человек, ранено 137 военнослужащих внутренних войск и 110 работников милиции, из последних один скончался; сожжено и разграблено 757 жилых домов, 27 государственных объектов, 275 единиц автотранспорта. Данные других источников отличаются незначительно. К концу июля следственная бригада выявила более двух тысяч лиц, причастных к совершению правонарушений. Всего за пять лет после событий в суды было направлено в общей сложности 250 уголовных дел, была доказана вина 420 человек.

Существует множество интерпретаций ферганских событий, как опубликованных, так и устных. А. Осипов объединил их в несколько типовых версий, которые мы кратко перечислим, не останавливаясь на обоснованности той или иной из них: для нас важно то, как воспринимались и воспринимаются эти события в обществе.

Эскалация хулиганских действий: соперничество криминальных группировок в Куvasae привело к столкновению 23–24 мая, их результатом стало нагнетание обстановки в области, слухи спровоцировали узбекскую молодежь на месть туркам, попытки сопротивления подогрели агрессивность нападавших. Эта версия использовалась официальными лицами в первые дни событий.

Экономическая версия: недовольство узбекского населения своим экономическим положением на фоне более высокого уровня жизни турок привело к погромам и беспорядкам. А. Осипов отмечает, что в чистом виде эта версия распространялась почти исключительно на бытовом уровне. Во время нашего исследования мы, так же как и автор цитируемой статьи, слышали, что одной из причин взрыва была «наглость» ферганских турок по отношению к узбекам, которая явилась той «каплей, что переполнила чашу терпения», причем один раз об этом рассказывал узбекский мулла (бывший учитель истории), другой — молодая (33 года) турчанка (в 1989 году она была жительницей Ташкентской области).

Криминальная версия: в эту категорию А. Осипов включил только гипотезы, объясняющие события действиями криминальных структур, не преследующих политические цели. Вот некоторые из них: беспорядки подстроены сильной и хорошо законспирированной преступной группировкой с целью организации широкомасштабных грабежей; события были вызваны острой борьбой между турецкой и узбекской мафиозными группировками после гибели в августе 1988 г. лидера турецкой группы, некоего Босса.

Националистическая версия объединяет попытки объяснить причины событий обострением проблем «межнациональных отношений» как таковых, безотносительно

к борьбе за власть. По одной из интерпретаций, важным фактором вспышки насилия в Фергане явилось распространение в Узбекистане националистических идей. Представления о «чужаках» как причине социальных и экономических проблем и о «национальном государстве» как самостоятельной ценности или / и способе решения проблем были освоены различными социальными слоями и значительно повысили потенциал агрессии в обществе. Согласно другому объяснению, турки стали своего рода сознательно избранной «мишенью», на их примере узбекский национализм хотел показать представителям «нетитульных» национальностей, что их может ждать в Узбекистане. Наши материалы подтверждают наблюдения А. Осипова: большинство турок, с кем приходилось беседовать и ему и нам, также считают, что их народ из-за своей малочисленности и распыленности стал удобным объектом для «демонстрации силы».

Политические версии объясняют ферганские события результатом «заговора» или целенаправленной акции, подготовленной и проведенной с определенными политическими целями. А. Осипов делит их на две категории:

а) **Антиправительственный** (антиперестроечный) заговор. Эту версию использовали как представители власти, так и журналисты московских изданий, считавшихся оппозиционными, и она всегда сочеталась с иными трактовками — прежде всего «националистической», а также «экономической» и «криминальной». На идею антиправительственного (или, точнее, неправительственного) заговора, пишет Осипов, основывается версия, наиболее популярная среди турок в 1989–1991 гг. По мнению многих лидеров и активистов турецкого движения, резня в Ферганской долине была организована узбекскими националистами при попустительстве местных властей. В некоторых официальных заявлениях и публикациях общества «Ватан» авторство ферганской резни приписывается движению «Бирлик».

б) **Правительственный заговор.** А. Осипов отмечает, что законченных и обоснованных формулировок версий, построенных на том, что ферганские события были организованы властными структурами разных уровней, в печати почти не встречаются. В основном эти предположения распространялись изустно.

Версию правительственного заговора используют активисты турецкого общества «Ватан»: союзные и республиканские власти организовали при помощи спецслужб резню и изгнание турок. При этом союзные власти преследовали цель перебросить в российское Нечерноземье дешевую рабочую силу, а руководители Узбекистана стремились запугать неузбеков и подтолкнуть их к эмиграции.

Мы обнаружили только одно обращение к данной теме в современных узбекских публикациях — статью Х. Бабабекова «Хронология Ферганской трагедии», в которой автор «проливает свет» на события пятнадцатилетней давности. Цель статьи — оправдать действия толпы, поэтому автор приписывает агрессивность туркам и опирается на почти все выше перечисленные версии событий. По его мнению, искрой для ферганских событий «послужило тяжелое социальное положение населения Куvasая и безнаказанные действия хулиганствующих элементов турок-месхетинцев, а также борьба за власть руководителей «мафии» турок-месхетинцев, с одной стороны, и других национальностей, с другой» (Бабабеков, 2004:6).

Конечно, мы не можем утверждать, что данная статья отражает официальную позицию государства в отношении событий 1989 года, однако эта попытка «смыть кровавое пятно» с Узбекистана симптоматична. Другие косвенные данные указывают на то, что ферганские события хотят предать забвению и / или бояться лишиться упоминать. В этом смысле интересно сравнить две статьи в «Этническом атласе Узбекистана» — «Турки» и «Турки-Месхетинцы» (Этнический атлас, 2002:211–214).

Первая из них посвящена туркам-османам, «основному населению Турции», которых в 1926 году в Узбекистане насчитывалось всего 374 человека. Затем «Атлас» дает данные переписей 1979 и 1989 гг., указывая в скобках «с турками-месхе-

тинцами»⁵, хотя очевидно, что название «турки-месхетинцы» до Ферганских событий 1989 года не употреблялось ни официальными лицами, ни самими турками и не могло появиться в переписях. Согласно автору статей, увеличение численности османских турок в Узбекистане к переписи 1979 года объясняется их депортацией в числе других народов с южной границы Кавказа в целях «очистки погранполосы» еще в 1930-х годах (Этнический атлас, 2002:212). «Ограничение» для турок — но какое именно, не уточняется — было снято лишь в 1956 г. с оставлением запрета на возвращение в места их прежнего проживания. О том, переезжали ли они и сколько их может быть в Узбекистане в настоящее время, автор умалчивает.

К туркам-месхетинцам автор относит жителей Месхетии. Откуда и как они там появились, неясно, но сказано, что «селвшиеся в Месхетии принимали христианство», затем, после завоевания османами в 17 веке основная часть была обращена в ислам (Этнический атлас, 2002:213). Депортированы в Узбекистан в 1944 году, а с 1958 года началось их возвращение в Азербайджан, Кабардино-Балкарию (выделено мной: нельзя вернуться туда, где никогда не был/жил. — Е.Ч.), а с 1962 г. — в Грузию и что после ферганских событий 1989 г. часть турок-месхетинцев переселилась в российское Нечерноземье, так что в настоящее время в республике их осталось очень мало. Наличие культурного центра приписывается автором «турецким туркам», а отнюдь не месхетинским. (Впрочем, культурные центры и в Ташкенте, и в Самарканде, и в Бухаре называются действительно «турецкими», а не «турецко-месхетинскими»)⁶.

Таким образом, эти статьи создают впечатление, что в Узбекистане существовали две этнические группы турок — османских и месхетинских, и что последних сейчас почти не осталось, тогда как первых неизвестно сколько, но очевидно гораздо больше, чем месхетинских. Вряд ли такую подачу «материала» можно объяснить только недобросовестностью автора и издателей, но мы можем только гадать, чем или кем был продиктован такой подход⁷.

Информация в «Атласе», однако, перекликается со слухом, который нам неоднократно передавали: «Каримов сказал, что турок-месхетинцев у нас нет». Рассказывают, что якобы это был ответ президента на вопрос представителя одной из иностранных держав о нынешнем положении турок-месхетинцев. Нам неизвестно, насколько реальны основания для этого слуха. Мы можем только констатировать, что турецкие культурные общества, в ряду прочих, изредка участвуют в конкурсах с национальными ансамблями, устраивают концерты и даже иногда получают эфир для демонстрации народных обычаев. В то же время в Узбекистане, в отличие, например, от Казахстана или Азербайджана, не был принят закон о льготах для репрессированных народов.

В октябре 2003 года новостные сайты в Интернете, со ссылкой на РИА «Новости», сообщали, что в рамках «официального визита в Грузию президент Узбекистана обсудит со своим грузинским коллегой возможность возвращения турков-месхетинцев в Грузию»⁸. Но это сообщение исходило из протокольного отдела президента Грузии, в информации же об итогах этой встречи мы не обнаружили упоминания о турках-месхетинцах.

Как бы то ни было, судя по тому, что уже в первой половине 1990-х годов в Узбекистан стали возвращаться те, кто, поддавшись панике, самостоятельно покинул от-

носительно спокойные регионы (но не те, кто стал свидетелем ферганских событий), положение в республике нормализовалось. В первой половине 1990-х годов был принят ряд законодательных актов, направленных на защиту этнических и религиозных меньшинств. Статья 156 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, утвержденного в 1994 году, за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды предполагает наказание от пяти до десяти лет лишения свободы. В 1995 году вступил в силу «Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности», где в статье 42 «Нарушение законодательства о государственном языке» предусматривается привлечение к административной ответственности за нарушения прав граждан на свободный выбор языка обучения, межличностного общения и т. п. По свидетельству экспертов, ни одного уголовного или административного дела по этим статьям возбуждено не было, что, конечно, не означает, что таких правонарушений в республике нет, однако у нас есть основания считать, что законодательные акты все же играют роль сдерживающего фактора для проявления ксенофобии и дискриминации.

Демография. Картография

Точных данных о сегодняшней численности турок в Узбекистане нет. Перепись населения в республике не проводилась с 1989 года. Людмила Максакова, один из главных экспертов по проблемам демографии Узбекистана, говоря о турках-месхетинцах, приводит данные из книги А. Юнусова «Месхетинские турки: дважды депортированный народ». После Ферганских событий республику покинуло 90 тысяч человек. Если согласиться с данными официальной переписи (106,3 тыс.), то оставшиеся должны составлять примерно 15 тысяч. Если принять во внимание расчеты организаций турок-месхетинцев в Турции (в дальнейшем — «турецкие эксперты») (160 тыс.), то — 70 тыс. Однако, по данным последних, численность турок в Узбекистане в 1996–1997 составляла 10–15 тысяч (Максакова, 2001:14; Юнусов, 2000:94). Что означает эта разница в 55–60 тысяч? 90 тысяч — это те, кто покинул республику непосредственно в 1989 году, а остальные же 55–60 тысяч — те, кто, поддавшись цепной реакции, уехали из других областей республики в последующие годы? Или же это ошибки в подсчетах?

Турки-месхетинцы проживают сейчас в Ташкентской, Сырдарьинской областях, в Самарканде и Самаркандской области, в Карши и Кашкадарьинской области, в Навоинской и Джизакской областях, в Бухаре и Бухарской области. Причем в Карши, по нашим сведениям, поселились турки, покинувшие в 1989 году другие области и вернувшиеся в 1990-х в Узбекистан.

Как сообщают турецкие культурные центры, сегодня в Самарканде проживает около трех тысяч турок-месхетинцев (по их же сведениям, в 1989 г. здесь насчитывалось около 30 тысяч турок); в Бухаре и области — примерно 4000 человек; в Навоинской области — около 2 тысяч. Во всей же республике, по их данным, в настоящее время насчитывается около 35 тысяч человек. Эти сведения сильно превышают численность турок-месхетинцев в Узбекистане по оценкам «турецких экспертов», и хотя после 1997 года, к которому относятся их подсчеты, в республику продолжали возвращаться турки, однако сомнительно, что численность вернувшихся в течение семи лет достигает 25 тысяч. К тому же осталось неясным, как проводили свои подсчеты культурные центры. Мы полагаем, что, в ожидании переписи населения, следует придерживаться средней между предлагаемыми цифрами — 20–25 тысяч человек.

До 1989 года можно было говорить об относительно компактных поселениях турок-месхетинцев в некоторых регионах республики — например, в таких районных городах Самаркандской области как Джума или Булунгур, или районах Самарканда «Дальний лагерь», «За линией», «Травматология», где турки заселяли целые улицы

⁵ Те же цифры даны и в статье «Турки-месхетинцы», кроме, естественно, 1926 года и с пометкой «с турками».

⁶ Как уже упоминалось, приставка «месхетинские» до 1989 года не употреблялась турками и по сей день у многих вызывает раздражение.

⁷ Один из издателей «Атласа», с которым мы встречались, был убежден, что турки-месхетинцы живут сейчас только под Ташкентом, и был крайне удивлен, узнав от нас, что в Бухарской области еще сохранились «турецкие совхозы».

⁸ См., напр.: www.uzland.info/2003/october/09/12.htm

или кварталы; существовали совхозы, которые даже называли «турецкими»⁹. Однако в основном турки в Узбекистане были расселены дисперсно. В настоящее время, с одной стороны, количество турецких семей в поселениях резко уменьшилось, с другой, — изменилась топография расселения. Из-за массовой эмиграции крымских татар и русскоязычного населения освобождались иногда целые городские кварталы. Дома покупали узбеки и таджики, перебивавшиеся из кишлаков, а также турки — в том числе и те, кто возвращался в Узбекистан и по разным причинам не мог (или не хотел) поселиться на прежнем месте.

Большая часть турок-месхетинцев — сельские жители. Это характерно для многих этнических групп в республике — 60% всей численности Узбекистана составляет сельское население. Причем в последние годы его прирост (за счет рождаемости) идет интенсивнее, нежели городского. Более того, специфика городских поселений в стране позволяет в большинстве городских микрорайонов иметь подсобное хозяйство или огород. На одной из окраин Самарканда, например, мы обнаружили коров даже во дворе, образованном двухэтажными городскими секциями (так в Узбекистане называют квартиры в многоквартирных домах в отличие от «дома на земле»)¹⁰. Увидеть козу или услышать под утро крик петуха можно и в самом центре города, который состоит в основном из частных домов «на земле».

Демографических данных о турках-месхетинцах в Узбекистане нет. Единственное, о чем можно с уверенностью сказать по результатам нашего исследования, это то, что численность детей в семьях за последние полвека сократилась: сейчас редко встретишь семью, где более трех детей.

Функциональная интеграция

Турки-месхетинцы за десятилетия жизни в советском Узбекистане хорошо интегрировались в местное сообщество. Это подтверждает, на наш взгляд, и их возвращение сюда в последнее десятилетие. Проблемы, с которыми они сейчас сталкиваются, в основном суть те же, что стоят и перед всем населением республики, экономика которой переживает кризис.

Так, сегодня только одно обстоятельство ограничивает доступ турок к высшему и среднему специальному образованию по сравнению с узбеками: уменьшение количества европейских групп¹¹, где обычно обучались дети турок-месхетинцев, оканчивавшие русские школы. К примеру, отцу одной нашей информантки пришлось по знакомству «выправить» для дочери документы об окончании узбекской школы, чтобы она смогла поступить в колледж.

Еще один фактор, сдерживающий интерес к образованию, коренится в специфике положения турок-месхетинцев. У них нет уверенности, что они останутся жить в Узбекистане. Но и в России многие их родственники, несмотря на дипломы и хорошую квалификацию, вынуждены работать «на земле». Получение же образования в Узбекистане сейчас требует значительных затрат от любого гражданина республики, поскольку бюджетных мест в вузах крайне мало, а контрактное обучение далеко не каж-

⁹ Любопытно, что про эти совхозы вспоминают и в «Этническом атласе», но в статье про «османских турок».

¹⁰ Впрочем, это специфика кризисного (переходного) экономического периода на постсоветском пространстве вообще. В условиях дефицита рабочих мест считается, что подсобное хозяйство помогает выжить. Коров можно увидеть и на улицах малых и средних российских городов; частные дома там сейчас также пользуются большим спросом, нежели городские квартиры, поскольку позволяют выращивать овощи, а иногда и держать скотину, как показали наши последние исследования в России.

¹¹ Так называются группы, где обучение ведется на русском языке.

дый может себе позволить, так же как и репетиторов. С другой стороны, высшее образование сегодня не гарантирует большую конкурентоспособность на рынке труда, а именно рынок труда — главная проблема для населения страны в настоящее время.

Дело, конечно, не столько в отсутствии работы, на что жаловались многие информанты, сколько в низкой оплате труда и длительных задержках заработной платы. Средняя статистическая заработная плата составляет 20–25 долларов (столько получает, например, медсестра в клинической лаборатории), минимальная — около 6 долларов¹². Доходны только те должности, где возможна неофициальная оплата услуг (в сфере высшего и среднего специального образования, в здравоохранении, милиции и т. п.). Впрочем, в Узбекистане почти за все принято платить, особенно учитывая уровень коррупции в республике, так что если вы так или иначе связаны с клиентом, то всегда можете иметь дополнительный доход (даже у кассира в банке есть такая возможность)¹³.

Обычное явление — задержка заработных плат на несколько месяцев. Многие в такой ситуации предпочитают торговать на рынке или заниматься «извозом». Из интервью с «таксистом»:

«Да, я, например, любой вакансия появится, любую работу я могу сделать. Из положения выйду. Но <...> и эту зарплату, которая сто тысяч я буду получать, мне во время не смогут давать они. <...> Задержка будет за три месяца, за четыре. Четыре месяца зарплату не могут давать... Я же так, как я (нрзб) выхожу, у меня каждый день, например, свежие деньги есть, вот так. Там два тысячи пусть будет. Но каждый день есть. <...> А я теперь жди целый месяц, ни копейка в кармане, жди зарплата, и, вдруг, зарплата тоже нету» (муж., 53 года, обр. высш.).

Тем не менее, в государственном секторе продолжает работать немногочисленная интеллигенция. Среди них есть ученые, преподаватели ВУЗов, учителя, юристы, врачи. Конечно, официальные заработки на таких должностях хоть и выше средних, однако не могут обеспечить удовлетворение потребностей наших информантов. Дополнительными ресурсами могут выступать гранты и поездки за границу (чтение лекций, например) для ученых; вознаграждение за услуги (или, попросту говоря, взятки) для чиновников и должностных лиц; родственники, работающие за границей.

Все, кто занят в государственном секторе на низкооплачиваемых и/или малоквалифицированных работах (медсестры, рабочие и пр.), находят дополнительную работу. В основном это личное подсобное хозяйство или торговля¹⁴. Но чтобы хорошо заработать (особенно на свадьбу), необходимо ехать за границу.

¹² Вот примерная стоимость коммунальных услуг: около 15 тыс. сум (15 долл.) — газ, около 10 тыс. (10 долл.) — свет, 5 тыс. (5 долл.) — канализация и почти 1 тыс. (1 долл.) за услуги стационарного телефона, при очень жестком условии: эта сумма позволяет разговаривать не более 3 минут в день, остальное время зачисляется в дополнительную плату (это касается цифровых линий Самарканда). Итого размер оплаты ЖКХ даже превышает указанный размер средне-статистической заработной платы в республике. В лучшем случае, у вас останется 10 тыс. (10 долл.), на которые вы можете купить не более 4 кг мяса. (Мясом — как и в России — измеряют доход городские жители. Все, кто сам печет хлеб — а это делают не только сельские жители, но и многие из живущих в городе, но «на земле» — измеряют доходы мешками муки).

¹³ Вот примеры того, как система стимулирует дополнительные заработки служащих. В республике туго с наличностью, поэтому в обменных пунктах деньги бывают только с утра. Если ты иностранец или у тебя евро (а евро здесь появилось недавно, на черном рынке их или не меняют вовсе или меняют крайне невыгодно для клиента), то у тебя постоянно возникают проблемы с обменом. Но всегда можно «договориться» с сотрудницей обменного пункта. Поскольку полреспублики зарабатывает деньги за рубежом, то естественно, что поток банковских переводов довольно велик. Чтобы получить деньги, избежав сопутствующих проблем (надо записываться, ждать несколько дней, стоять в очереди), всегда можно немного приплатить.

¹⁴ Вообще это распространенное явление, особенно для Самарканда. Для этого даже не обязательно выезжать на рынок: в центре города, на каждой боковой улочке можно увидеть сидящих у своих домов женщин или стариков с разложенными или развешанными б/у вещами.

